

АНТРОПОЛОГИЯ СОВЕТСКОСТИ. К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/7-34

Научная статья

© П. С. Куприянов

ДЕТСКОЕ (И) СОВЕТСКОЕ: ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ В МУЗЕЯХ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В современных музеях советской повседневности 1950–1980 гг. тема детства занимает весьма важное место. Она присутствует как в музейном «сообщении» (и в экспозициях, и в экскурсиях), так и в его восприятии посетителями. Разговор о советском в музее почти никогда не обходится без детского компонента, а иногда практически сводится к нему. В статье рассматриваются формы, контексты и эффекты такого «альянса». Она основана на полевых материалах 2019–2021 гг., полученных в г. Коломне Московской области и в некоторых других российских городах, а также на данных с туристических и музейных сайтов и страниц в соцсетях. Анализируя избранные кейсы, автор отмечает, что для представителей старшего поколения детство служит важной формой или рамкой для ностальгического восприятия советского прошлого, и прослеживает механизмы, обеспечивающие эту функцию. Детское же восприятие рассмотренных экспозиций, особенно в популярном интерактивном формате варьирует между двумя основными моделями — реконструкцией (строящейся на экзотизации советского) и ресайклинга (предполагающего вторичное использование советских практик и ценностей). В статье отмечается недостаток данных, касающихся собственно детского музейного опыта, приводится исследовательский контекст рассматриваемой темы: актуальные направления и дискуссии, продуктивные теоретические концепты.

Ключевые слова: музеи, советское, повседневность, ностальгия, детство, восприятие прошлого.

Ссылка при цитировании: Куприянов П. С. Детское (и) советское: взрослые и дети в музеях советской повседневности // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 7–34

Куприянов Павел Сергеевич — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: kuprianov-ps@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 19–09–00126

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/7-34

Original Article

© Pavel Kupriyanov

ADULTS AND CHILDREN IN MUSEUMS OF SOVIET EVERYDAY LIFE

The topic of childhood has an important place in contemporary museums of late-Soviet everyday life (1950–1980s). It can be seen in the message a museum conveys (both in what is shown and what is said) and in its perception by visitors. The topic of the Soviet in a museum nearly always includes the “children”’s component, and sometimes is virtually reduced to it. This paper examines the forms, contexts, and effects of such an “alliance”. The paper is based on the field material obtained in Kolomna, Moscow region, and in some other Russian cities in 2019–2021, and on the data from tourist and museum websites and social network accounts. Analyzing the selected cases, the author observes that the notion of childhood serves as an important frame for the nostalgic perception of the Soviet past for the older generation, and also demonstrates the mechanisms that fulfil this function. Children’s perception of expositions varies between two main models — reconstruction (based on the exoticization of the Soviet) and recycling (involving the reuse of Soviet practices and values). The article points out the lack of data concerning actual children’s museum experience and provides the research context for the topic: current trends, discussions and useful theoretical concepts.

Keywords: *museum, the Soviet, everyday life, nostalgia, childhood, perception of the past*

Author Info: Kupriyanov, Pavel S. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: kupriyanov-ps@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

For citation: Kupriyanov, P. S. 2022. Adults and Children in Museums of Soviet Everyday Life. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 7–34

Funding: *The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19–09–00126.*

В декабре 2020 г. на сайте «Российской газеты» был опубликован репортаж о народном музее ретротехники «Капсула времени» в Гатчине. Большую часть репортажа составляет интервью с основателем и директором музея Сергеем Павловым, по-своему весьма показательное. Несмотря на то, что главной темой музея является советская бытовая техника, с первых же слов речь заходит о... детях. Оказывается, что дети — основной мотив создания музея и его главный адресат:

Хочется, чтобы дети, которые «живут в телефонах», увидели, что было в недалеком прошлом — 20–30 лет назад, а то и 50 <...> Наша задача — показать детям

недалекое прошлое, и как далеко мы ушли! Почувствуйте, как говорится, разницу между старым и новым, тем, что есть у нас сейчас... (Мазурова 2020).

Впрочем, дети — не единственная музейная аудитория, вместе с ними приходят и взрослые:

Приходят к нам группами из детского сада, с воспитателями, классами — с учителями (до пандемии, во всяком случае, так было), а потом приводят в выходные своих родителей (Мазурова 2020).

Рассказ о музейной коллекции включает и личные воспоминания Сергея, которые тоже оказываются связаны с детством — детством рассказчика:

Вот с тем фибровым [чемоданом — П. К.] я ездил в пионерский лагерь. Из моего дома сюда много чего перекочевало. В этой железной ванночке меня купали. «Ока-3», холодильник моих родителей, они покупали его «по записи» в 1975 году, номерки писали на руке, ходили в магазин, отмечались. Когда я был маленьким, каким огромным он мне казался! А теперь и мы выросли, и холодильники нынче другие, побольше этого (Мазурова 2020).

По странному совпадению практически все упоминаемые в интервью личные вещи Сергея, ставшие теперь музейными экспонатами, оказываются связаны исключительно с его детскими воспоминаниями. Возможно, этот отбор осуществляется им самим, а возможно, и автором репортажа. По крайней мере, вопросы интервьюера поддерживают этот способ говорения о советском:

— Что самое популярное у детей?

— Часы с кукушкой и патефон. Провожу экскурсию для малышей, потом ставлю им на проигрывателе пластинку со сказкой, слушают с удовольствием (Мазурова 2020).

Наконец весьма показателен и финальный эпизод:

Здесь еще и витрины со значками. Неожиданно. Их с детства, более 50 лет, собирает Алексей Козлятников. Тут 600 значков, а всего у него их примерно 1200. Что раньше коллекционировали дети? Марки, спичечные этикетки, значки. То, что было доступно (Мазурова 2020).

Рассказ об экспонате как будто вполне естественно включает отсылку к детству и соответствующей детской практике. А репортаж, начавшийся с рассказа о ретротехнике, неожиданным образом завершается темой детских увлечений советской поры.

Этот пример может показаться курьезным только на первый взгляд. На самом деле, рассмотренный случай скорее типичен, чем оригинален: если мы обратимся к музейным экспозициям, посвященным советской повседневности, в особенности, послевоенного периода, 1960–1980-х гг., то легко обнаружим, что *детство* занимает в них какое-то особое место. Это проявляется в нескольких довольно разных аспектах.

Прежде всего, советское детство непременно включается в экспозицию в качестве отдельной важной темы. Она может быть выделена в самостоятельный тематико-экспозиционный комплекс, а может быть распределена и по другим разделам экспозиции, но, так или иначе, присутствует везде. Ей находится место даже в специализированных экспозициях, тематически никак не связанных с детьми, так что складывается впечатление, будто никакая музейная репрезентация советского быта не может обойтись без этого компонента. Наряду с вышеупомянутым музеем ретротехники примером может служить коломенский выставочный зал «Старомодное», посвященный моде, одежде, шитью и женскому рукоделию 1940–1960-х гг., но, тем не менее, располагающий отдельным уголком, где представлены детские вещи и занятия:

Конечно же, мы не могли [не сделать — П. К.] вот этот вот школьный уголок, и всевозможные школьные предметы, и здесь то, чем дети занимались. В принципе. (ПМА 2).

Показательно, что речь идет о детской аудитории. Музеи, о которых идет речь (напомню, что это не специальные музеи советского детства, а просто — советского быта, как будто не сфокусированные специально на детской теме), не только включают репрезентацию советского детства, но то и дело позиционируются как адресованные прежде всего детской аудитории. Эта ориентация проявляется и косвенно (например, в широком ассортименте специальных детских программ или детской продукции — сувениров, буклетов, книг, пособий и т. д.), и прямо — в репликах, где дети фигурируют как одна из основных целевых групп:

У нас музей... каких-то определенных событий советского периода. Мы разговариваем с детьми, мы рассказываем про блокаду, мы говорим про оборону Москвы, мы говорим о космонавтах, мы говорим об ученых, мы говорим о пионерии — как дети жили, чем занимались, чем увлекались. Просто вот, вот, вот наша история (ПМА 1. См., также: Страна советов).

Заметим, что дети здесь упоминаются в качестве вполне естественной аудитории музея, что, строго говоря, совсем не очевидно: ни его экспозиция, ни название («Назад в СССР») не указывают на какой-то специальный детский профиль или уклон. Кроме того, *советское* предстает здесь через образы не только знаковых событий и выдающихся деятелей, но и — повседневной жизни... детей. В результате детский компонент оказывается удвоенным, поскольку это рассказ *детям* — *о детях*.

Советское преподносится через *детское* и в музейных презентационных текстах в соцсетях и пресс-релизах:

Музей «НАЗАД в СССР» — это Музей положительных эмоций и воспоминаний.

Приглашаем всех, чье детство прошло во дворе; кого мама кричала домой из окна; кто пил газировку и молочный коктейль из гранёного стакана; кто ел самое вкусное мороженое по 12 копеек; кого принимали в октябрята и пионеры; кто писал письма на бумаге и собирал макулатуру; кто танцевал под радиолу, кто ездил

на картошку и в стройотряды... А те, кто не испытывал всего вышеперечисленного — тем более приходите к нам в Музей «Назад в СССР»! (Назад в СССР).

Приведенный текст незамысловато указывает на основную целевую аудиторию музея — людей, чье детство пришлось на советское время. При этом она вовсе не ограничивается теми, чей советский опыт *исчерпывается* детством, и стало быть, ничто не мешает включить в перечень упоминаемых символических советских практик не только детские, но и взрослые, однако, по какой-то причине универсальным (и наиболее очевидным) маркером *советского* в этой риторике выступает почти исключительно *детское* (с небольшим «юношеским» «расширением» в виде «картошки» и стройотрядов). Последняя фраза приведенной цитаты адресована тем, кто не застал советский период, а значит, в том числе, например, и тридцатилетним. Они также приглашаются в музей, но и этим взрослым посетителям, судя по тексту, предстоит знакомство с упомянутыми детскими практиками; для них тоже советское оборачивается своей детской стороной.

Установка на воспроизведение советского прежде всего в его детской версии реализуется не только в репрезентациях, но и в деятельности музеев: во многих из них посетителям предлагается воспроизвести те или иные прежние практики. Интерактивные формы используются не только в отношении детской аудитории (об этом — ниже), но и старшего поколения, представители которого, по словам музейного работника, не без энтузиазма участвуют в таких мероприятиях, повторяя то, что они делали, будучи детьми.

Наконец, эти музеи и воспринимаются как музеи детства. Совсем не «детская» экспозиция музея «Назад в СССР» в Коломне описывается как детская по преимуществу:

Ну, там знаете какая экспозиция? Там собраны ну вот собраны вот в основном, по-моему, пионерские... Насколько я помню, вот у меня «картинка» — пионерские значки. <...> Что-то вот... радио старое, вот эти вот радиолы. Пионерские галстуки, значки, знамя, по-моему, пионерское, горн — ну, что-то вот такое вот (ПМА 3).

Особенно красноречивы и показательны отзывы посетителей коломенской «Арт-коммуналки», как в Интернете, так и в книгах отзывов. Посетители наперебой благодарят за «детские воспоминания», за «путешествие...», «погружение» или «возврат в детство». Экспозиция, ничуть не ориентированная на детскую тему, то и дело воспринимается сквозь детскую призму, «прочитывается» как рассказ о детстве:

— Спасибо за кусочек истории и детства...;

— Возвращение в прошлое. Как будто снова дома у бабушки...;

— Спасибо организаторам за возможность вспомнить счастливое детство...;

— Специально приехали всей семьей в ваш музей... Все из моего детства: кричала от увиденного! И дочь была в восторге...;

— Спасибо за встречу с детством!

— Большое спасибо за доставленное удовольствие! Мы побывали в детстве (ПМА 10).

Итак, музеи советского быта показывают детство и рассказывают о нем, обращаются к детской аудитории, воспринимаются как посвященные детству по преимуществу. *Советское* преподносится и прочитывается как *детское*, *детское* становится своеобразной дискурсивной рамкой для *советского*. Смысловая рифма детского и советского уже отмечалась исследователями (Калинин 2008), однако ее музейное воплощение пока не было предметом специального анализа. Исследования музеев советской повседневности, на сегодняшний день уже довольно многочисленные, рассматривают либо какие-то отдельные аспекты темы (Манохина 2018), либо конкретные музеи (Тимофеев 2014б, Абрамов 2019), либо носят обобщающий характер (Абрамов 2013а, 2013б, Тимофеев 2014а, Морозов, Слепцова 2020), но в любом случае не сфокусированы специально на детской составляющей¹. Данная статья нацелена на то, чтобы восполнить этот недостаток хотя бы отчасти. Она не претендует на всестороннее и исчерпывающее объяснение этой связи — ее причин, форм и механизмов — скорее, это попытка представить актуальные для названной темы дискурсы и контексты и наметить перспективы, в которых она может быть рассмотрена.

Мои соображения основаны, прежде всего, на полевых материалах 2019–2021 гг., полученных в г. Коломне Московской области и в некоторых других российских городах, а также на данных с туристических и музейных сайтов и страниц в соцсетях. Выбор Коломны отчасти продиктован тем, что он позволял наблюдать одновременно разные кейсы: на момент начала исследования в Коломне было четыре экспозиции, посвященные советскому быту. Они различаются по масштабу, профилю, юридическому статусу и некоторым другим параметрам. Так, музей-резиденция Арткоммуналка «Ерофеев и другие» — известный (в т. ч. среди туристов) музей с полноценной бытовой экспозицией, размещенной в нескольких комнатах бывшей коммунальной квартиры и дополненной произведениями современного искусства, выполненными в находящейся здесь же литературно-художественной резиденции. Деятельность музея-резиденции (в обеих ипостасях) нацелена на креативное освоение советского и локального наследия. Другие экспозиции более консервативны и менее масштабны, как по концепции, так и по составу коллекции, и в большей степени, нежели Арткоммуналка, являются проявлением так называемой «народной музеефикации» советского (Абрамов 2013а). Это уже упомянутый выставочный зал «Старомодное», сфокусированный на теме одежды и моды советского времени, музей «Назад в СССР», организованный районным Домом культуры (он занимает всего несколько витрин в фойе здания, но при этом ведет активную деятельность

¹ В некотором смысле исключением можно считать статью С. Казаларска (Kazalarska 2017), однако и в ней автор сосредотачивается на конкретной проблеме — банализации коммунистического опыта (см. ниже). Музейная репрезентация и восприятие советского детства исследуется также А. Сальниковой и И. Мальцевой на примере «Музея счастливого детства» в Казани. Их первый подступ к теме см.: Сальникова, Мальцева 2022.

с посетителями), и наконец экспозиция с условным названием «Советский уголок» в гостинице «Советская», также занимающая небольшое пространство в вестибюле гостиницы, но рассчитанная главным образом на приезжих и не сопровождающаяся никакой иной музейной деятельностью.

Для проблематизации названной темы мне представляются важными по крайней мере три исследовательские перспективы или ракурса. Это, во-первых, исследования памяти о советском и ностальгии, касающиеся восприятия прошлого взрослыми посетителями (и создателями) музеев, во-вторых — музейный ракурс, акцентирующий собственно музейные аспекты рассматриваемого явления, и в-третьих — исследования детства, с одной стороны, рассматривающие детство как специфический культурный конструкт, а с другой, ставящие вопрос о детской субъектности.

Ностальгия по детству

Опираясь на современные исследования памяти о советском, можно предложить два объяснения актуализации детской темы в подобных музеях. Первое из них, условно говоря, «поколенческое». Оно основано на идее о том, что отношение к советскому времени во многом зависит от принадлежности к тому или иному поколению¹ (Резанова 2011: 149–161, Долгов и др. 2021), и что ностальгическая версия советского в наибольшей мере культивируется представителями «последнего советского поколения» (Резанова 2011: 80, 101; Фокин 2016: 69, 71; Makhotina 2021: 175). Это те, чье детство не просто пришлось на советское время, а чей советский опыт исчерпывается детско-юношеским периодом — поэтому в их памяти они полностью совпадают (Горалик 2007, Смолина 2014: 135), и именно эти люди просто в силу названных обстоятельств являются основными производителями и потребителями музейного советского детства.

При всей справедливости и убедительности такого объяснения оно все же представляется не вполне исчерпывающим, хотя бы потому, что интересующий нас феномен «детской» интерпретации советского присущ отнюдь не только 40–50-летним, но и людям других возрастов. Наблюдения за поведением посетителей и анализ отзывов позволяют предложить другое объяснение, не исключающее, но дополняющее предыдущее. Оно состоит в том, что «детское» прочтение экспозиций советского быта во многом детерминировано их специфическим характером: они построены как ностальгические, и у большинства взрослых это почти автоматически актуализирует обращение именно к детству как к наиболее беззаботному и «светлому» периоду в прошлом (Сальникова 2007: 70). За счет этих своих качеств детство оказывается наилучшим вместилищем, «сосудом» ностальгии (Абрамов 2013б), вне зависимости от наличия или отсутствия у посетителя опыта взрослой жизни в советское время.

Данное объяснение подразумевает, что в сознании зрителя детство возникает не как реакция на знакомые предметы («из детства»), а благодаря особому ностальгическому характеру экспозиции, изначально не только создаваемой, но и воспри-

¹ При этом поколенческий взгляд на ностальгию обнаруживает не только разделение, но и объединение: «Постсоциалистическая ностальгия одновременно укрепляет границы поколений и порождает иллюзию их преодоления, например, когда представители разных поколений вместе поют старые „дворовые песни“» (Nadkarni, Shevchenko 2004: 508).

нимаемой именно в этом ключе¹. Здесь речь идет об обратной последовательности: не детство производит ностальгию, а наоборот, ностальгия актуализирует детские воспоминания и соответствующую оптику. В конечном счете, очевидно, действуют оба механизма, и ностальгическая *атмосфера* рассматриваемых музеев производится в равной мере предметным рядом экспозиции и соответствующей настройкой посетителей².

Как бы то ни было, само наличие связи между ностальгией и темой детства представляется более очевидным, чем ее характер и механизмы. Чтобы прояснить, как это сопряжение функционирует в музейном пространстве, попробуем понять, в чем проявляется ностальгический характер рассматриваемых экспозиций. Какие их черты обуславливают ностальгическое восприятие экспонируемой эпохи и обеспечивают её «детское» прочтение? Что если не заставляет, то позволяет увидеть детское в этом советском?

Одна из таких черт состоит в хронологической *унификации* советского периода. Довольно продолжительное и разнообразное время с 1950-х по 1990-е гг. фактически подается как более или менее единая эпоха. Даже при том, что, как правило, хронологический период, которому посвящен музей, довольно четко ограничивается и оговаривается в сопроводительных текстах, на практике строго выдерживать заявленные рамки удается далеко не всегда. Скажем, выставочный зал «Старомодное» задуман и заявлен (например, на странице в сети «ВКонтакте») как экспозиция моды 1920–1980-х гг. (Старомодное_ВК), но фактический временной диапазон хранящихся и экспонируемых предметов несколько шире (ПМА 2). Арткоммуналка «Ерофеев и другие», согласно информации на официальном сайте, «воссоздает обстановку коммунальной квартиры 60-х годов XX века» (Арткоммуналка) — эта хронологическая привязка обусловлена временем работы в этом здании Венедикта Ерофеева (ПМА 4). Однако фактически здесь также можно встретить вещи, относящиеся и к более раннему, и к более позднему периоду.

Судя по отзывам посетителей, экспозиция и воспринимается скорее, как рассказ о советском времени вообще, нежели как репрезентация конкретного десятилетия: «Здесь хранятся воспоминания для людей разных возрастов, там и 50-е, и 60-е, и 70-е, и даже 80-е...» (Музей ностальгии). Примечателен отзыв одной из посетительниц, сначала (в самом отзыве) датировавшей представленный быт 1960–80-ми гг., а затем (в ответе на комментарии) — 1950–70-ми (Это коммунальная). Такая неопределенность, с одной стороны, указывает на хронологическую расфокусированность самой экспозиции, а с другой, — на неактуальность этой фокусировки для посетителей. Для большинства из них это просто «времена СССР», *неважно* какого именно десятилетия: «В коммунальной квартире воссоздан интерьер времён СССР. Мне не важно, чем 50-е отличаются от 70-х. Важно то, что там все так, как

¹ Роман Абрамов говорит о музеях советского как о «материализации ностальгического аффекта» (Абрамов 2019). О таком восприятии экспозиции еще до ее посещения свидетельствуют некоторые отзывы: «Мы шли получить удовольствие и окунуться в далекое детство» (Весело, но не все продумано).

² О механизмах и эффектах *атмосферы* в культурных пространствах см.: (Куприянов, Лурье 2022).

было в детстве. Было интересно вспомнить и увидеть уже забытое» (Молодцы!)¹. Таким образом, выход за обозначенные хронологические границы оказывается важным фактором, обеспечивающим ностальгический эффект от экспозиции; благодаря ему в представляемых интерьерах, предметах и практиках без труда опознают свое детство люди самых разных поколений, от 1950-х до 1990-х гг. рождения (Родом из СССР, Путешествие в прошлое).

Сами сотрудники музеев, признавая нарушение заявленных хронологических границ при комплектации фондов и в экспозиции, объясняют его по-разному. В одном случае основанием для смешения разных времен в реконструируемом интерьере служит их неразделимость в самой действительности:

Поэтому я говорю: как это разделить? Это все совместно, поэтому да, мы говорили, что это — вот этих годов, а это — вот этих годов, но мы их не могли разделить, потому что они все были вместе. Ну были вместе, ну давайте говорить честно! Поэтому таким образом даже и выкручивалась. То есть мы не делаем ставку: вот это только семидесятого года! Нет! Вот, и семидесятый год был рядом, и шестидесятый, потом девяностый тут же. Вот он стоит, патефон — и вот уже у мальчика плейер появился. И вот эта связь времен очень даже [видна]... (ПМА 1).

В другом случае то же самое объясняется стремлением соблюсти не букву, но дух представленной эпохи (которая оказывается гораздо шире заявленного временного интервала):

Ну, ну тут еще как бы много [случаев], когда вещи приносят, видно, что — семидесятые [годы]. Все равно оставляем, потому что уже сам вот этот дух [важен], даже не сколько историческая подлинность. Историческая подлинность — вон, фотографии в альбоме: взял — и все можно посмотреть! (ПМА 4).

Заметим, что оба объяснения фактически апеллируют к достоверности музейной реконструкции, хотя и трактуют ее по-разному: в одном случае — как правильное воспроизведение реальной бытовой обстановки, неизбежно включавшей предметы разных десятилетий, а в другом — как точную передачу образа эпохи, создание определенного ощущения времени. При этом здесь акцентируются два важных понятия, по-своему способствующих ностальгическому и «детскому» прочтению экспозиций: это, во-первых, *быт*, а во-вторых — ощущение или *впечатление*.

Внимание к быту и повседневности, по наблюдению исследователей, является характерной чертой ностальгического отношения к советскому прошлому и обычно связывается с его неидеологичностью. Так, участники онлайн-сообществ умышленно избегают политики, сосредотачиваясь на вещах и повседневности (Фокин 2016: 70–71). Это в полной мере касается и музеев. Рассматривая музеи советского в Санкт-Петербурге и Казани, Екатерина Махотина отмечает, что воспроизводимая ими ностальгия исключает политический компонент, это ностальгия по атмосфере

¹ Изредка, впрочем, попадает и противоположное мнение: «Ребята честно собрали всевозможное „барахло“ бабушек и дедушек и свалили его в одной квартире. Для них 50-е и 70-е одинаково далеки и поэтому неразличимы» (Самодетельность). Однако подобный взгляд, во-первых, крайне редок, а во-вторых, сама подобная критика подтверждает хронологическую неразборчивость экспозиции.

и среде, а не по общественному строю и политическому режиму (*Makhotina* 2021: 182–183).

При этом исключение идеологии из музейного пространства осуществляется не за счет отбора или изъятия идеологически «заряженных» экспонатов, а посредством их нейтрализации в бытовом контексте. Бытовой характер рассматриваемых музеев только выглядит как естественное следствие соответствующего состава имеющихся коллекций (повседневных вещей), но фактически является осознанной концептуальной рамкой, задающей определенные горизонты интерпретации. В этой рамке все предметы предстают прежде всего их бытовой стороной, остальные их грани остаются в тени. Это касается и символически нагруженных вещей вроде пионерских галстуков или комсомольских значков — они описываются как повседневные аксессуары (здесь вам расскажут скорее о том, как приходилось каждый день гладить галстук, в каких случаях его надевали или снимали, чем о том, что означал его цвет и форма¹). В результате такой семантической редукции прежде символически нагруженные предметы предстают частью обыденной жизни, «очищенной» от идеологии, элементами советского быта, свободного от советского содержания, по удачной формуле Ильи Калинина, *soviet-free Soviet* (*Kalinin* 2011: 158; Ср. *Гопалик* 2007). Словом, быт в музейной экспозиции «вытесняет» идеологию.

В этом качестве (или функции) он оказывается близок детству. Проецирование ностальгии на детство также деполитизирует и деидеологизирует советское время (*Nadkarni, Shevchenko* 2004: 510–511). По наблюдению Светлы Казалараска, анализирующей музейные репрезентации послевоенной эпохи в странах бывшего социалистического блока, «в общественном воображении предметы детства, как и предметы повседневного обихода, кажутся отмеченными их предполагаемой «невинностью», то есть их кажущейся аполитичностью и идеологической автономией» (*Kazalarska* 2017: 77). В этом восприятии исследователи видят угрозу «инфантилизации коммунизма» как средства его банализации и нормализации (*Kazalarska* 2017: 76, *Bach* 2014: 129): оно блокирует серьезный разговор о социалистическом / советском прошлом, нивелирует его сложность и многослойность. Как бы то ни было, в таком избегании идеологии детская версия вполне соответствует ностальгическому взгляду; детство становится одновременно и проекцией ностальгии, и ее драйвером: и наиболее точным воплощением ностальгического образа прошлого, и его наиболее надежным ресурсом.

Возвращаясь к «бытовизации» советских символов, следует заметить, что она имеет и обратную сторону, не позволяющую реконструируемой действительности и составляющим ее предметам полностью утратить символические значения. Просто теперь они наделяются другим значением, другой семантикой. Переставая быть идеологическим символом, пионерский галстук становится символом времени. Рассуждая о ностальгии как об особом типе конструирования прошлого, Ирина Каспэ отмечает, что оно происходит за счет переосмысления и приписывания ценности повседневному опыту, в частности, тем областям и зонам, «которые прежде никак специально не маркировались, имели статус „естественного (и, вероятнее всего, неизменного) фона жизни“» (*Kaspe* 2008: 4). Иначе говоря, в музее обыденная жизнь объективируется и меняет свой семиотический статус, выступая теперь не в виде

¹ Отчасти схожее «снятие» идеологической составляющей пионерского галстука осуществляется в современной детской литературе (*Маслинская* 2021: 165).

фоновой «текучей повседневности», а в качестве совокупности знаков — означающих представляемой эпохи.

Характерным примером может служить экспозиция музея «Советская эпоха» в Рыбинске, занимающая старое здание Дом культуры и состоящая из нескольких разделов. Первый из них целиком посвящен символам советской эпохи, среди которых не только официальные (бюст Ленина и панно с гербами республик СССР, но и «бытовые»):

Помимо таких парадных символов присутствуют бытовые символы, обыденные. То есть предметы, которые окружали советского человека и вызывают сейчас какие-то чувства, эмоции. У кого-то ностальгия, ну, кому-то интересно просто посмотреть, что это были за вещи, скажем так — детям, да? Новогодняя тематика, Дед Мороз и Снегурочка <...>. Советское шампанское. Настоящее! <...> Здесь духи «Красная Москва» — символ советской женщины. Ну а на нижней полочке вычислительная техника тех времен. Арифмометр, первые калькуляторы, логарифмическая линейка, которой умели пользоваться выпускники школ, студенты вузов, ну и игра «Электроника». Популярная вещь, мечта многих ребят... и... девчонок. Говорят, что выстраивались очереди на переменках играли в такую игру. (ПМА 5).

Извлеченные из повседневной среды и помещенные в музейную витрину предметы обихода становятся знаками некой иной действительности (*Байбурин, 2004*). Важная для нас деталь заключается в том, что данная действительность оказывается не просто советской, но именно детской. Здесь чайник — не просто чайник, и не просто советский чайник, а «чайник-из-детства». Это проявляется и в структуре экспозиции, и в рассказе экскурсовода, и в отзывах посетителей. Экспозиция рыббинского музея начинается именно с детских игрушек, за которыми следует уголок школьника с рассказом о детских организациях — октябрятах, пионерах и комсомольцах. Логика жизненного пути, стоящая за такой последовательностью экспозиционных комплексов, очевидна, однако, тот факт, что музей советской эпохи (более того, «зал символов») начинается именно с детства, сам по себе весьма показателен и не случаен. Приведенный выше фрагмент экскурсии также содержит несколько отсылок к детям: речь идет о предметах, связанных с детскими практиками. Наконец, детство неизменно присутствует и в отзывах, не только как общая дискурсивная рамка, но и в реакциях на конкретные предметы и фрагменты экспозиции.

Так, автор под ником [«marinamalysheva»](#) пишет, что уже при виде здания Дома культуры вспомнились «ребята-одноклассники и наш Вокально-инструментальный ансамбль», а затем внутри здания, в первом зале, где «все напоминает о школе» — «как под барабанную дробь и под звуки горна выносилось знамя на наших линейках». Далее тема детства сопровождает посетительницу на протяжении всей экспозиции: о детских годах предсказуемо напоминают и коллекции марок и значков, и «игрушки из детского садика», и детская швейная машинка — но также и вовсе не «детский» актовый зал Дома культуры («Именно в таких актовых залах мы ставили свои театральные спектакли, бегали на репетиции...») и радиопроигрыватель («...который был со мной все детство. Мы очень любили его слушать и заводили пластинки») (Возвращение в детство). Эта примечательная деталь показывает, что

означающими советского детства могут служить далеко не только собственно детские предметы, но и любые прочие вещи, составлявшие предметный мир ребенка в то время. Здесь, как говорится, «*всё* напоминает о детстве». И такое восприятие отнюдь не уникально, а напротив довольно типично. Так, в небольшой экспозиции советского быта, расположенной в фойе коломенской гостиницы «Советская», представлен патефон, который у заведующей этого музея устойчиво ассоциируется с детством (ПМА 9). Посетители Арткоммуналки обнаруживают в экспозиции «вазочки, телефоны, этажерки и чемоданы из детства» (Супер!), испытывают «детский восторг», встречая «предметы, которые были „в квартирах бабушек и дедушек“» (Очень здорово; Путешествие в СССР), то и дело «спотыкаются» «обо что-то, знакомое с детства и, казалось бы, глубоко позабытое. Такая жестянка от халвы была у моей бабушки, она хранила в ней нитки и иголки! Такой будильник был у родителей! Похожая чеканка висела у знакомых!» (Очень атмосферно!).

Другая существенная и столь же типичная черта этого дискурса заключается в том, что «детство» здесь очень часто соседствует с «ностальгией». Многочисленные отзывы подтверждают вышеприведенные слова экскурсовода о ностальгии как распространенном мотиве знакомства с экспозицией¹. Та же «[marinamalysheva](#)», красноречиво озаглавившая свой отзыв «Возвращение в детство, ностальгия», признаётся: «Я рада, что мое детство и юность прошло при Советском Союзе, ностальгия по той поре бывает захлестывает» (Возвращение в детство). Ей вторят и другие:

Для меня посещение музея стало своеобразной ностальгией <...> Каждая деталь в интерьере этого музея вернула меня в далекое детство, беззаботное и счастливое время, где мама и папа у маленькой меня))) а сейчас мама Я у взрослых детей!!! а ведь кому-то такие вещи и правда, как музейные экспонаты!!! для меня часть моей биографии...невольно задумываешься, как быстро летит время! то, что вчера еще было моим настоящим, теперь уже история (Приятная ностальгия).

Данный отзыв содержит сразу несколько важных моментов: и указание на «каждую деталь» как триггер детских воспоминаний, и совмещение ностальгии и детства (см. также: Прыжок в прошлое; Путешествие в СССР), и констатацию различий своего социально-возрастного статуса тогда и сейчас, и рефлексию над музейной модальностью представленных предметов, и, наконец, фиксацию временного разрыва между современностью и экспонируемой эпохой.

Этот последний мотив отражает одну из важных особенностей музеев, о которых идет речь: советское в них предстает отделённым от современности не просто границей, а довольно существенной *дистанцией*, и представлено как свершившееся и завершённое прошлое, история в прямом смысле этого слова. Образно говоря, это не вчерашний день (переходящий в сегодняшний), а по крайней мере позавчерашний. Характерно, что среди разнообразных и многочисленных бытовых предметов в экспозициях советской повседневности нет таких, которые бы продолжали широко использоваться в настоящее время². «Теплое чувство ностальгии» вызывают не просто старые предметы, но — «старые и давно забытые» (Привет из коммуналки!).

¹ По словам одного из посетителей, здесь «ностальгия обязательна» (Родом из СССР).

² Редкие исключения, обычно отмечаемые устойчивыми фразами вроде «у нас и до сих пор такая стоит», лишь подтверждают правило.

Слова «давно забытые» здесь принципиально важны, поскольку указывают на тот самый разрыв, временную дистанцию, лауну, которая является необходимым условием для формирования и поддержания ностальгического видения и переживания (Каспэ 2008: 4; Горалик 2007). В отзывах посетителей этот разрыв проявляется, например, в метафорическом описании попадания в иное время как преодоления пространственного препятствия или промежутка: это может быть ожидаемая «машина времени» (Окунулась в 60-е), и «ностальгический прыжок» (Прыжок в прошлое), и «провал на сорок лет назад» (Окунуться в прошлое, Очень атмосферно!).

Таким образом, «ностальгизация» и «инфантилизация» советского в рассмотренных кейсах осуществляется за счет ряда характерных черт: хронологического дистанцирования и одновременно унификации советского периода, бытового характера экспозиции, деидеологизации и ресемантизации реконструируемой действительности. При этом детство предстает важной формой или рамкой для ностальгического восприятия советского прошлого.

Дети в музее

Рассуждая о презентации прошлого в таких «ностальгических» музеях, Екатерина Махотина отмечает, что в отличие от классических музеев, они, как правило, не предлагают единый нарратив, представляют не необычное и неизвестное, а напротив «привычное и знакомое», построены на тактильных ощущениях, и наконец — нацелены не на изучение истории, а на переживание чувства позитивной близости к прошлому (Makhotina 2021: 179–180; см. также: Абрамов 2013: 109). В этом смысле они реализуют принципы «новой музеологии», в соответствии с которыми рациональная парадигма в музее уступает место чувственной, на место смысла приходит аффект, и из «дома знаний» музей превращается в «дом впечатлений» (Бонами 2019).

Эта установка в полной мере прослеживается и в анализируемых кейсах. Рассматриваемые музеи обращаются ко всем возможным чувственным анализаторам посетителя: помимо разглядывания здесь, как правило, можно трогать экспонаты (ПМА 2), нюхать духи (ПМА 6), играть в игрушки (ПМА 4), примерять одежду (ПМА 5, ПМА 2) и даже съесть «коммунальный обед» под названием «Я люблю тебя, жизнь» (Арткоммуналка). Посетители музеев неизменно получают впечатления, переживают эмоции и испытывают чувства, самые разные, как приятные, так и не очень:

У меня сегодня женщина утром — я не знаю, я еще пропускаю всех — она расплакалась. Она зашла, она села в комнату и заплакала. То есть она... Ей уже лет шестьдесят, наверное, она говорит: я к маме домой попала... А я стою — у меня тоже, лицо все потекло — я поняла, что у нее мама, скорее всего, уже умерла давным-давно... ну, или не давным-давно. Что у нее, в принципе, уже там целая эпоха прошла с того момента (ПМА 4).

Прекрасно!! Познакомили детей (13 и 5 лет) с детством папы и мамы)))) дети увидели впервые телефонный аппарат!!!!)) и прочее другое интересное из советского квартирного прошлого! Сколько предметов помогли вспомнить забытые дни... Папа повздыхал по детству из коммуналки))) потом ещё и сосисками и селёдкой с картошкой накормили!!! Вах! Вся семья в восторге! (Вернулись в детство).

Читая этот и другие подобные отзывы, нетрудно заметить, что источник музейных впечатлений так или иначе, прямо или косвенно, но оказывается связан с детством. Именно детское — вещи, воспоминания, состояние — служит наиболее сильным триггером и заставляет переживать ностальгию во всем ее разнообразии. Так встреча с любимой машинкой пересиливает взрослый скепсис очевидца, наглядно демонстрируя, что аффект здесь важнее знаний:

Или двое мужчин тут пришли, вот, мужики уже в возрасте такие вот... Видно: они уже всё знают, их уже всё... <...> Ну, давай нам... рассказывай тут про свой совок, что ты нам тут еще можешь рассказать? В итоге вот этот вот самый скептический — я злорадствую до сих пор — вот он зашел... Вот эта машинка металлическая стоит, он заходит — и он, действительно, ну, не расплакался, но он... Видно, его начало трясти, я, такая, говорю: Вы можете ее взять. Он, такой, на [этой] фразе — вот, ребенка, наверное, так в роддоме не берут — [взял ее в руки]: это она!.. В общем, он экскурсию проходил у меня с этой машинкой в руках... (ПМА 4).

Итак, впечатление — основной «товар» этой культурной экономики: музей его умело «продает», а посетитель охотно «покупает». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что есть категория посетителей, на которых этот молчаливый «контракт» (о детских впечатлениях) не распространяется. И это, как ни странно, сами дети.

Выражение «сами дети» отсылает к непростой проблематике детской субъектности, обсуждаемой в рамках исследований детства и ставящей вопросы о характере взаимосвязи детского и взрослого мира, о (не)возможности детей говорить «своим голосом» и необходимости и способах услышать этот голос (Форум 2019). Применительно к обсуждаемой теме все эти вопросы весьма актуальны, уже потому, что в распоряжении исследователя практически нет материалов, позволяющих судить о восприятии исследуемых экспозиций *самими* детьми — есть либо отзывы детей в книгах отзывов, которые предельно клишированы и малоинформативны (вроде «все было клёво, спасибо, приду ещё»), либо сообщения взрослых (родителей, педагогов или музейных работников), которые, с большей уверенностью позволяют судить скорее о них самих, чем о детях. Восприятие детей всегда так или иначе опосредовано взрослыми, представлено через их опыт, взгляд, текст. В этом смысле вслед за «soviet-free Soviet» в пору говорить о *child-free childhood*¹.

Тем временем, если обратиться к текстам взрослых, в них можно увидеть, что восприятие детей устойчиво противопоставляется взрослому:

У меня вызвало ностальгию. Детям, не знакомым с этим прошлым — было просто интересно и необычно (*Нетривиальный музей*);

Детские воспоминания для меня, а для более молодых людей история (В память Венечки);

Взрослые ностальгируют, а современные дети удивляются (Музей ностальгии).

¹ В исследованиях детства в более широком значении используется близкое выражение «de-childrified childhood» (*Бардина* 2019).

То, что для взрослых — прошлое (по которому ностальгируют), для детей — история (подлежащая познанию). Если взрослый испытывает чувства и получает впечатление, то ребенку предписано, во-первых, удивляться, а во-вторых, приобретать знания, информацию, то есть просвещаться. И в отзывах, и в репрезентационных текстах посещение музея оценивается по-разному для тех и других: одним оно приятно, а другим полезно, для одних «ностальгирующе», для других — «познавательно»:

Пожилым людям будет приятно вспомнить времена молодости, людям среднего возраста интересно увидеть вещи и предметы быта, которые их, возможно, окружали в детстве, а молодежи и детям будет полезно узнать об условиях жизни их бабушек и дедушек, как они одевались, чем душились и что ели)))) (Ностальгирующе и познавательно);

Удивительная точка на карте музеев России, которая объединит всех: старшее поколение окунётся в приятную ностальгию, младшее — откроет для себя удивительный мир, о котором раньше могло только слышать (Страна Советов);

Интересно побывать всем, взрослым — поностальгировать, а детям представить, как жили их бабушки и дедушки, многие родители (Машина времени);

Мы вспомнили своё детство, а дети-подростки окунулись в атмосферу, которой в их жизни просто не было, и именно это было основной целью посещения музея — показать детям, как раньше жили, что читали и т. д. (Вспомнили детство).

Авторы отзывов, как и работники музеев, говоря о мотивах и эффектах знакомства с экспозицией, устойчиво «разводят» взрослых и детей и настойчиво подчеркивают неосведомленность последних в советской повседневности. Познавательность экспозиции для них обусловлена как раз незнанием советских реалий. Это одна из основных тем и один из важных акцентов во всех текстах, от интервью до экскурсий:

Ну, вот опять же, говорю: взрослый приходит, он ностальгирует. Он вспоминает, он видит эту вещицу, Господи, у меня что же такая была! Дура, зачем ее выбросила! Я говорю, ну, постойте, посмотрите, я вам даже в руки ее дам поддержать. Понимаете? И все. И она вот... Это моментально, это сиюминутное такое у нее... Восторг. Потом она забыла, все, у нее уже другие проблемы, внуки там и так далее... Вот это — для взрослых. Дети приходят — они смотрят у меня на маленький такой телевизор, пальцем показывают, я знаю, что это такое, да это же навигатор! А начинаешь объяснять, что это такой первый переносной был телевизор с антеннкой, понимаете, и вот для них это интересно, а как это? (ПМА 1).

Мотив незнания детьми представленных в музее реалий может выражаться просто в опасении, что ребенок или подросток здесь «не все поймет» (Весело, но не все продумано), и потому нуждается в дополнительной информации перед посещением музея (ПМА 7). Но чаще всего этот мотив принимает более радикальные формы: в ситуации восприятия советского современные дети описываются по модели чу-

жака или наивного простеца, не понимающего элементарного, не распознающего очевидного, делающего смешные допущения и задающего глупые вопросы¹. Они не могут догадаться, как пользоваться зубным порошком (ПМА 4), думают, что электронную игру можно использовать как телефон (ПМА 5) и испытывают шок при виде дискового телефонного аппарата (Привет из коммуналки; Вернулись в детство; Можно идти). В репортаже о гатчинском музее детское незнание советских реалий драматически нагнетается и достигает прямо-таки пугающего масштаба:

Современные ребята не понимают, как пользоваться дисковым телефоном или для чего нужен арифмометр. Что такое примус, керогаз? Не знают, что такое граммофон, и как он может работать без электричества. Для них это все удивительно. Как и катушечный магнитофон, магнитная лента <...> Знаете, что отвечают школьники, когда я показываю им фотоувеличитель «Крокус»? Микроскоп, говорят. А пылесос называют... чайником! Похож. Или сапожная лапа, ее принес нам человек, который провел в Ленинграде блокаду, она сохранилась от его предков. Думают, что это тляпка. Да, магнитолы, грампластинки, винил, бобины, фильмоскопы — для нынешних подростков древний мир. Стиральная доска! Кто сейчас знает, что это такое, для чего? Смешная для молодых посетителей стиральная машинка «Малютка». Что такое авоська? (Мазурова 2020).

Роман Абрамов отмечает, что в глазах молодого поколения «„советское“ выглядит странным, инопланетным, принадлежащим утраченной цивилизации» (Абрамов 2013, 110). Как уже говорилось выше, мы, строго говоря, не можем судить непосредственно о взглядах молодого поколения, но с уверенностью можем сказать, что именно такое восприятие советского ему приписывается старшими. Взрослые (родители и педагоги) конструируют для детей советское как «древний мир» — незнакомое, непонятное, экзотическое прошлое. Одновременно с этим естественным образом конструируется и современный ребенок — как практически полностью лишенный каких-либо знаний о той жизни и очевидно *иной* по отношению к советской реальности. Наконец, подчеркивая непричастность детей к тому времени, взрослые отделяют себя от них, тем самым выстраивая свою поколенческую и возрастную идентичность, то есть фактически конструируют себя как... взрослых. Таким образом, советское детство оказывается одной из тех сфер, в которых проходит граница между современными детьми и взрослыми. А экспозиции советского быта — одним из средств конструирования детства, не только советского, но и современного.

Еще один важный аспект разбираемой темы связан с разницей предметного восприятия экспозиции взрослыми и детьми. Если взрослый посетитель за типичным бытовым предметом в музее часто «видит» свой конкретный чайник / пенал / фотоаппарат и т. п., то для ребенка, скорее всего, за ними ничего такого не «просматривается», и типичное советское так и остается обобщенным, генерализованным, неиндивидуализированным. Соответственно и характер отношения к этим вещам

¹ Чрезвычайно характерно, что точно такими же чужаками-чужаками, не понимающими очевидностей советского опыта, предстают иностранцы: «Была у меня группа французов. Они искренне рассматривали вот это радио с вопросом, а где у него переключение программ [Все смеются]. Вот у меня была та же самая реакция. — Что вы?! А выключать как? Я говорю, а зачем выключать? Оно само выключается ровно в полночь. И включится точно так же автоматически» (ПМА 4).

у них довольно существенно различается. Так, металлическая машинка из Арткоммуналки, расстрогавшая сурового мужчину (ПМА 4), привлекла не только его внимание — она пользуется популярностью среди многих посетителей мужского пола. Например, в одном из отзывов упоминается, что ребенку «особенно понравился тяжелый железный грузовик» (Приедем еще), и мне самому приходилось видеть в музее мальчиков, игравших с этой машинкой. Во всех перечисленных случаях взаимодействие с незамысловатой игрушкой сопровождалось эмоциями, однако, с большой вероятностью можно сказать, что совершенно разными: для взрослого это был волнительный привет из прошлого, а для детей — источник игрового воображения. Этот пример едва ли позволяет делать какие-то обобщения относительно детского восприятия, однако показывает, насколько разным может быть взрослый и детский взгляд на предметы советского детства, и какой непростой задачей является в связи с этим ознакомление молодого поколения с советским прошлым.

Между тем, как видно из приведенных выше цитат, музей мыслится как место, подходящее и предназначенное для этого. Просветительские задачи решаются здесь с большим энтузиазмом, и одними из наиболее распространенных и востребованных являются разнообразные интерактивные формы работы:

... все настолько сильно поменялось в этой жизни: чем сейчас дети заняты, и как воспитывались дети в советское время, какие были игры, да, как они проводили досуг и так далее. Во что они одевались, как выглядели учебники, какой подход был в шко... к школе и так далее. Обо всем об этом мы рассказываем, у нас много есть программ, адаптированных под детские аудитории. Мы и в прописях, вот, перышками пишем, и рассматриваем всевозможные тетрадки (ПМА 2).

Диапазон интерактивного освоения советских практик довольно широк — от упомянутого писания в прописях до дворовых игр — и включает в себя как сложноорганизованные формы (вроде «Казачков-разбойников»), так и простейшие (например, повязывание пионерского галстука). Анализируя эти разные формы — и по полевым наблюдениям, и по рассказам о них организаторов и участников — можно условно выделить две различные по прагматике модели таких интерактивных занятий или игр.

Одна из них основана на описанном выше экзотизирующем дискурсе, в котором для «современных ребят» экспонаты музея советского быта — это предметы непонятного предназначения, непривычные игры и в целом странный чужой мир. Его интерактивное освоение подразумевает практическое перевоплощение в его обитателя, в «другого». Логика этого перевоплощения заключается в том, что современные дети пишут чернилами и играют в штандер, как бы для того, чтобы почувствовать себя другими, а именно, детьми советского времени. В этом смысле надеть галстук (как предлагают в рыбинском музее — ПМА 5) или взять пионерский барабан — это то же самое, что надеть «боярский» кафтан или пострелять из «средневекового» лука. В этом случае смысл освоения этих практик прошлого заключается в историческом познании: предполагается, что посредством таких игровых действий ребенок получает опыт и знания об историческом другом, сама игра становится инструментом этого познания.

Вторая модель заключается в том, что игра воспринимается и осваивается детьми *как таковая*, а не как исторический феномен. Она меняет свой семиотический статус, теряет свое добавленное историческое значение. Здесь на первом месте оказывается развлечение, а не просвещение. Если в первой модели ключевую роль играет перевоплощение, то здесь оно фактически отсутствует: дети играют в штандер и фантики, не перевоплощаясь в «советских ребят» или «в своих мам и пап», как любят говорить в таких случаях, а *сами по себе*¹. Так, во время «коммунального квеста» маленькие дети включаются в него, «ничего не понимая» — ПМА 7). Можно сказать, что в этом случае новый опыт приобретается в ином качестве — как свой, а не чужой. В отличие от первой модели, которая может быть обозначена как *реконструкция*, эта вторая, пожалуй, более всего напоминает культурный *ресайклинг* (Luehrmann 2005).

Первая модель проявляется, например, в распространенной музейной практике фотографирования с пионерскими или школьными атрибутами. Примером же «ресайклинга» может быть творческое занятие «Секретик не/для всех», проходившее в Арткоммуналке и включавшее мастер-класс по изготовлению украшений из эпоксидной смолы: здесь детские «секретрики» советской поры служили лишь концептуальным образцом для творческого переосмысления (Секретик не для всех). Между тем, выделенные модели на практике редко реализуются в чистом виде, а скорее определяют возможное поле вариаций, по-разному сочетаясь в каждом конкретном случае или перетекая друг в друга. То, что начинается как знакомство с Другим, может в какой-то момент превратиться в собственный опыт и быть включенным в актуальный детский репертуар — игровой, речевой, фольклорный. И затем, уже как часть собственного опыта, послужить основанием для формирования отношения к прошлому. Соединение развлечения и просвещения — распространенный методический прием, широко используемый и в музеях советского быта, не только по отношению к детям, но к ним — в первую очередь. Поэтому игра в фантики непременно предваряется сведениями о дефиците конфет в советское время, а игра «в Чапаева» — рассказом о красном командире:

— Вот в шашки играли. И тут я им показала [игру] «в Чапаева». Они не знают. А кто такой Чапаев? Начинаем рассказывать про Чапаева. Опять же хорошо, хоть будут знать, кто такой Чапаев <...>

— Фильм можно показать...

— Да, можно, но вот в тот в данный момент уже не до фильма, просто рассказываешь. И вот такая есть игра. Так ведь нравится! Ползают по полу! (ПМА 1).

Из речи моей собеседницы совсем не следует, что увлечение детей незамысловатой игрой (вероятно, вполне искреннее) используется лишь как средство завладеть их вниманием, но очевидно, что оно является важным условием для исторического просвещения. Еще более показателен другой эпизод:

— Они приходят, у меня атрибуты: горн, барабан, пионерские галстуки, пилоточки. Вот со всеми в этом году мы сделали... Значит, пионерской организации

¹ Именно так, например, современные подростки играют в советские игровые автоматы (Абрамов 2019).

праздник был: дети пришли, я рассказала, что такое орлятский круг, они постояли и попели. Я говорю, слушайте, как это сплачивает! Понимаете? Ну разве это плохо? И вот эти вот маленькие, те самые хорошие традиции, которые были, мы просто... Мы не втюхиваем, мы не навязываем, мы просто рассказываем: вот так было, ребята! Смотрим реакцию — здорово! Всё!

— Это такая игра в пионеров?

— Ну да. <...> Идет некое такое погружение, ну, ребята поиграли и всё. И ушли опять свои вот эти штучки смотреть — смартфончики и все такое прочее. То есть они живут современной своей жизнью. Но, опять же, для чего все эти музеи? Ну хоть немножко знать историю надо? Надо! (ПМА 1).

С одной стороны, реконструируемые пионерские ритуалы здесь противопоставляются современности, для детей это нечто чуждое, отделённое от их собственной жизни и подчеркнуто временное. С другой стороны, реконструируемые практики и связанные с ними социальные эффекты в сознании рассказчицы маркированы сугубо положительно («хорошие традиции», «разве это плохо?»), благодаря чему эта реконструкция становится не просто игрой, а приобщением к *хорошему*. При этом она отделяется от прямой пропаганды («мы не втюхиваем, мы не навязываем»), хотя положительный эффект прямо вербализируется («как это сплачивает!»). И эта эксплицированная «положительность» реконструируемых традиций оказывается в скрытом противоречии с их временностью и «чуждостью» для современных детей. В этой ситуации музейный педагог оказывается между установкой на объективное и беспристрастное просвещение детей (см. выше) и стремлением передать им тот положительный опыт советского детства, который он сам аффективно переживает. В результате, судя по разным свидетельствам, первое причудливо совмещается со вторым: в музейной репрезентации советского прошлого, особенно в интерактивных формах, детям транслируется далеко не только фактическая информация, но и ее оценка, не только знания, но и аффект. Более того, нередко интерактив сопровождается «аналитической частью», в которой, собственно, осуществляется оценивание той или иной советской практики на основе ее сопоставления с современностью и делаются выводы:

Вот, и в конце мы всегда с детьми <...> делаем такую параллель, проводим, да? Ну вот, что хорошо, что не очень, где им нравится? Допустим, какие-то моменты им нравятся из той жизни. Есть плюсы, есть минусы. Дети теперь умнейшие <...>. Но вот то, что они живут в виртуальной жизни, в основном, это, конечно, удручает (ПМА 2).

Кстати, очень хорошие отзывы, когда дети говорят: слушайте, как вы интересно жили! Ну, потому что они песен столько не пели бардовских, как мы пели у костра, например! И как мы в лагеря ездили! (ПМА 1).

И я им задала вопрос: «А что вы поёте, детки, какая ваша любимая песня?» Это жуть какая-то, что у них теперь любимое!.. Вот эти вот жуткие, там эти, непристойные... вещи — они поют это активно! Поэтому лучше мы будем приучать их к нормальным детским песням (ПМА 2).

В этих репликах сквозь честные попытки как бы взвешенного непредвзятого анализа («что хорошо, что не очень, где им нравится?», «есть плюсы, есть минусы») уверенно пробивается ностальгический дискурс с его образом «хорошего», «нормального» прошлого на фоне неправильного, а порой и «жуткого» настоящего. Вопрос о том, насколько этот дискурс усваивается юными посетителями музеев, вписывается в дискуссию о возможности и механизмах трансляции советского опыта и памяти о советском от «первого» поколения — «второму», от «взрослых» — «детям», от «инсайдеров» — «аутсайдерам»¹ и об особенностях «опосредованной» или «виртуальной» ностальгии (Holak *et al.* 2007; Резанова 2011: 149–161; Долгов и др. 2021). Отдельные свидетельства показывают, что музей вполне успешно актуализирует ностальгические образы в сознании подростка:

— Как тебе музей?

— Суперский!

— Почему? Что там суперское?

— Просто такое погружение в эту... в само это время. Можно себя там представить каким-то ребенком из этого... из фильмов, из книжек...

<...>

— И прям мне так это все нравилось, мне казалось, что, вот, советское детство — это самое прекрасное. Потому что... у них как бы были такие... такая у них была среда в классе, такие вообще отношения... Они такие тогда были все культурные.

— Никто не ругался?

— Нет, дело не в этом. Все читали...

— Другие ценности были?

— Да! И мне они как-то ближе. Поэтому... вот так. Ну и потом, всё так, знаешь, как-то... тепло всё очень. По-домашнему, в каком-то смысле. Можно было, там, пойти ... пойти к соседу и попросить у него... дать тебе денег, чтобы позвонить родителям. Ты мог кинуть камень в окно, чтобы позвать друга. Ну, то есть, все было так, очень... просто, доверие было у всех... А сейчас, знаешь, стукнешь, позвонишь в дверь — а там какой-нибудь человек такой: ты чего тут подросток агрессивный, пришел? Уходи отсюда! (ПИМА 8).

В упоминаемых образах нетрудно узнать отдельные ностальгические стереотипы о советском времени, и в данном случае есть прямое указание на их источник — литературу и кинематограф. Музей же в данном случае служит не источником, а скорее триггером ностальгического воображения. Вопросы о том, насколько сам музей может не только пробуждать, но и формировать ностальгический взгляд на советское, насколько это типично, и от каких факторов зависит, остаются открытыми и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Что же касается приведенных выше описаний музейных интерактивных занятий, следует заметить, что, с одной стороны, они реализуют модель *реконструкции* (вре-

¹ Эти вопросы, в частности, затрагивались участниками давней дискуссии по статье Катрионы Келли «Школьный вальс» (Форум 2006), ставшей заметным импульсом для исследования советского детства и его репрезентаций. Сегодня тема воспроизводства советского опыта обсуждается, например, исследователями современной детской литературы: Knight 2009; Багдасарян 2019; Маслинская 2021.

менное перевоплощение в советских детей и воспроизводство *их* практик), а с другой, оказываются довольно близки к *ресайклингу*, поскольку содержат очевидную попытку внедрить эти практики в актуальный репертуар, опираясь на их не историческую, а общекультурную ценность. Стремление представить советское актуальным, востребованным и полезным для современности проявляется и в текстах экскурсий, и в интервью. Так, при демонстрации аккуратных школьных тетрадей 1940-х годов, отмечается, что обучение чистописанию крайне полезно для общего развития ребенка, в частности, его мелкой моторики (ПМА 2), а рассказ о детском коллекционировании сопровождается ремаркой о том, что оно позволяло ребенку «ориентироваться в какой-то теме» и «быть экспертом в каком-то вопросе» (ПМА 5). Все эти замечания прямо или косвенно указывают на прагматическую, а не историческую значимость советского опыта¹.

Одной из таких ценностей советского времени, мыслящихся как универсальные, является коллективизм, передаваемый через чувства единения и сплоченности. Это то, что уверенно приписывается советскому прошлому представителями разных поколений и ради чего в музеях создаётся «орлятский круг», устраивается хоровое пение и организуются коллективные игры. При этом разговоры о советском коллективизме сопровождаются, с одной стороны, ламентациями по поводу невозможности его воспроизведения в современности, а с другой — рассуждениями о методах его продвижения, в диапазоне от чистого информирования («просто рассказать») до аналогии («другое придумать») и выборочного использования («брать хорошее»):

— Этого сейчас не будет! Опять же, почему? Время другое! <...> Все разобщены, вот буквально. И не могут быть сейчас тимуровцы, лишь только потому что там... <...> Возврата не будет, и поэтому, вот, например, моя цель — не возвращать их в то, что было, а просто рассказать, как это было. А им потом, молодежи, судить. Сейчас им нравится вот все, что происходит, и они живут, обогащаются, чем — не знаю... Либо действительно, вот, что-то оттуда взять, хорошо ведь, ведь можно же и брать что-то хорошее, не обязательно [все целиком]. Может, другое движение придумать... Пока никто не придумал, нет таких людей...

— Вы же сами говорите, что это невозможно...

— Невозможно! По идее, нет... Нет, опять же, потому что есть некие уже границы, которые уже перейти — ну, никому нельзя, всё! Поэтому вот и музеи такие, наверное, открываются — как ностальгические... (ПМА 1).

Напряженная рефлексия и долгие колебания между безусловной пользой тимуровского движения и невозможностью его воспроизведения символично завершаются упоминанием музея как спасительного острова в образовавшемся вакууме. Именно здесь открывается доступ к своему и чужому детству, проводятся и разрушаются границы между прошлым и настоящим, детским и взрослым, личным и коллективным — словом, музей функционирует одновременно как архив, театр, заповедник и лаборатория *детского (и) советского*.

Подводя итог, следует заметить несколько вещей. Тема детского (и) советского в музее вписывается в разные исследовательские контексты — ностальгические,

¹ Обращению к советским бытовым привычкам в современном эко-дискурсе посвящена статья Юлии Секушиной (Секушина 2021).

музейные, детские, постсоветские (постсоциалистические) — и ряд актуальных дискуссий: о трансляции советского опыта, о способах музейной репрезентации личного опыта и памяти, о детском восприятии прошлого вообще и музейной экспозиции в частности etc. Для проблематизации и концептуализации заявленной тематики представляются продуктивными такие концепты как *атмосфера* и *ресайклинг*. С точки зрения методики исследования данной темы, следует отметить большой потенциал включенного наблюдения, глубинных интервью и музейных отзывов как источников, недостаток данных о собственно детском музейном опыте, а также перспективность рассмотрения музейных сюжетов в сопоставлении с близкой проблематикой в других сферах, в частности, в кино и литературе.

Источники и материалы

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА 1 — интервью с сотрудницей музея «Назад в СССР» Дома культуры Протопопово (Коломна).

ПМА 2 — интервью с сотрудницей Выставочного зала «Старомодное» (Коломна).

ПМА 3 — интервью с сотрудницей Дома культуры «Дом Озерова» (Коломна).

ПМА 4 — интервью с сотрудницей А. музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (Коломна).

ПМА 5 — экскурсия в музей «Советская эпоха» (Рыбинск).

ПМА 6 — экскурсия в музей-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (Коломна).

ПМА 7 — интервью с сотрудницей В. музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (Коломна).

ПМА 8 — интервью с посетительницей музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (14 лет).

ПМА 9 — интервью с заведующей музейной экспозицией «Советский уголок» гостиницы «Советская» (Коломна).

ПМА 10 — Книга отзывов музея-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“» (фотоархив).

Отзывы о музей-резиденции «Арткоммуналка „Ерофеев и другие“»

В память Веночки Ерофеева // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r662858783-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Вернулись в детство))) // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r449847187-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Весело, но не все продумано // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r650715568-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Вспомнили детство // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r270730424-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Машина времени // сайт Tripadvisor / URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r563964021-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

- Музей ностальгии по СССР. Любопытно // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r527404229-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Молодцы! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r390794390-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Нетривиальный музей // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r671217788-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Ностальгирующе и познавательно // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r644571952-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Окунулась в 60-е // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r264822712-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Привет из коммуналки! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r553289025-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Приедем еще на большую экскурсию // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r692591790-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Приятная ностальгия // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r542060993-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Родом из СССР! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r567297010-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Самостоятельность на блошином рынке // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r339195303-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Очень здорово // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r596884990-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Очень атмосферно! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r648704989-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Посмотреть стоит! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1657382-d11773305-r454004013-Museum_Soviet_Era-Rybinsk_Yaroslavl_Oblast_Central_Russia.html
- Путешествие в прошлое страны и семьи // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r741742532-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Путешествие в СССР // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r519817854-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Прыжок в прошлое // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r737780235-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html
- Спешите видеть // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1657382-d11773305-r592637686-Museum_Soviet_Era-Rybinsk_Yaroslavl_Oblast_Central_Russia.html

Супер! // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g798120-d5503669-r465621500-Art_Kommunalka_Erofeyev_and_Others_Museum_Residency-Kolomna_Moscow_Oblast_Centra.html

Это коммунальная квартира, это коммунальная страна... // Сайт «Отзовик». URL: https://otzovik.com/review_8780846.html

Другие материалы

Арткоммуналка — сайт музея-резиденции «Арткоммуналка Ерофеев и другие». URL: <https://artkommunalka.com/ru/content/o-nas>

Возвращение в детство — Возвращение в детство. Ностальгия. Отзыв о музее «Советская эпоха» // сайт Tripadvisor. URL: https://otzovik.com/review_11385234.html

Мазурова — Мазурова С. Как устроен музей «Капсула Времени» в Гатчине // Интернет-сайт «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2020/12/21/reg-szfo/kak-ustroen-muzej-kapsula-vremeni-v-gatchine.html>

Назад в СССР — Музей «Назад в СССР». Интернет-сайт <http://ussrmuseum.ru/>

Окунуться в прошлое — Окунуться в прошлое. Отзыв о музее «Советская эпоха» // сайт Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1657382-d11773305-r689280830-Museum_Soviet_Era-Rybinsk_Yaroslavl_Oblast_Central_Russia.html

Старомодное ВК — страница Выставочный зал «Старомодное» в социальной сети «Вконтакте». URL: <https://vk.com/kstaromodnoe>

Секретик не для всех — Секретик не для всех. Объявление на сайте музея-резиденции Арткоммуналка «Ерофеев и другие». URL: <https://artkommunalka.com/ru/content/sekretik-nedlya-vseh>

Страна советов — Музей СССР «Страна советов» — сайт <https://stranasovetov.ru/>

Научная литература

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. Российский партнер журнала Museum International. 2013, № 6. С. 4–8 (а).

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111 (б).

Абрамов Р. Н. Грани неформальной музеефикации «реального социализма»: материализация ностальгического эффекта // Завадский А., Склез В., Суверина К. (отв. ред.). Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 274–298.

Байбурин А. К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–86.

Багдасарян О. Ю. Память второго поколения и работа с прошлым в современной детской литературе // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 132–138.

Бардина С. М. Голоса детей и детские голоса // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 25–27.

Бонами З. А. Музей в дискурсе аффекта // Завадский А., Склез В., Суверина К. (отв. ред.). Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М. Новое литературное обозрение, 2019. С. 51–78.

Горалик Л. Росагроэкспорта сырка. Символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды. 2007. № 4. С. 6–21.

Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего СССР в представлениях разных поколений // Political science. 2021. № 1. С. 245–273. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>

- Калинин И. Добро пожаловать в детство, в которое посторонним вход воспрещен // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. С. 35–38.
- Каспе И. М. Съесть прошлое: идеология и повседневность гастрономической ностальгии / Никулин А. М. (отв. ред.) Пути России: культура — общество — человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV. М.: Логос, 2008. С. 205–218.
- Куприянов П. С., Лурье М. Л. «Вот этот вот дух, когда он есть, это всегда очень здорово...»: как работают культурные атмосферы и за что их любят // ШАГИ/STEPS. 2022 (в печати).
- Манохина А. Д. Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга // Вопросы музеологии. 2018. № 9(1), 83–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.108>.
- Маслинская С. Г. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. № 6. С. 165–178.
- Морозов И. А., Слепцова И. С. С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23(5). С. 195–224.
- Резанова З. И. (отв. ред.) Ностальгия по советскому. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
- Сальникова А. А. Российское детство в XX век: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
- Сальникова А. А., Мальцева И. А. Музей счастливого детства как часть казанского меморативного ландшафта // Мазур Л. Н., Магер Д. (отв. ред.) Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сб. науч. тр. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2022. С. 143–151.
- Секушина Ю. А. Воображая прошлое, преображая настоящее: культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 160–182.
- Смолина Н. В. «Советское» в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). С. 133–136.
- Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 25–33 (а).
- Тимофеев М. Ю. Музеефикация советского периода (случай музея социалистического быта в Казани) // Бурылинский альманах. 2014. № 1. С. 48–52 (б).
- Фокин А. А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований 2016. № 1–2. С. 65–73.
- Форум 2006: Обсуждение статьи К. Келли „Школьный вальс“ // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 6–107.
- Форум 2019: В поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 9–106.
- Bach J. Consuming Communism. Material Cultures of Nostalgia in Former East Germany // Angé, O., D. Berliner, (eds.). Anthropology and Nostalgia. Oxford, New York: Berghahn Books, 2014. P. 123–138.
- Holak S. L., Matveev A. V. and Havlena W. J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // Journal of Business Research, 2007. Vol. 60. No. 6. P. 649–655.
- Kalinin I. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as «Historical Horizon» // Slavonica. November 2011. Vol. 17. No. 2. P. 156–166.
- Kazalarska S. Remembering Childhood in the Museum: Notes on Post-Communist Nostalgia // Slavkovic, M., M. Dorgovic (eds.). Nostalgia on the Move. Belgrade: The Museum of Yugoslavia. 2017. P. 75–83.
- Knight R. Representations of Soviet childhood in post-Soviet texts by Liudmila Ulitskaia and Gabrielian N. // Modern Language Review. 2009. № 104 (3). P. 790–808.

- Luehrmann, S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El // *Religion, State and Society*. 2005. № 33(1): 35–56.
- Makhotina E. Versprechen der Vergangenheit: Die Zeit der Sowjetunion in der russischen Geschichtspolitik und der kollektiven Erinnerung nach 1991 // *Gute Erinnerungen an schlechte Zeiten?: Wie nach 1945 und nach 1989 rückblickend über glückliche Momente in Diktaturen gesprochen wurde* / ed. Monica Rüthers. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2021. P. 175–198. <https://doi.org/10.1515/9783110729429-010>
- Nadkarni M., Shevchenko O. The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices // *Ab Imperio*. 2004. № 2. P. 487–519.

References

- Abramov, R. N. 2013a. Muzeefikatsiia sovetskogo: mezhdou barakholkoi i vintazhnym salonom [Museification of the Soviet: between a flea market and a vintage salon]. *Muzei. Rossiiskii partner zhurnala Museum International*. 6: 4–8.
- Abramov, R. N. 2013b. Muzeefikatsiia sovetskogo. Istoricheskaiia travma ili nostal'giia? [Museification of the Soviet: Historical Trauma or Nostalgia]. *Chelovek* 5: 99–111.
- Abramov, R. N. 2019. Grani neformal'noi muzeefikatsii "real'nogo sotsializma": materializatsiia nostal'gicheskogo effekta [The Limits of the Informal Museumification of "Real Socialism": Materializing the Nostalgic Effect]. In *Politika affekta: muzey kak prostranstvo publichnoi istorii* [The Politics of Affect: The Museum as a Space for Public History] / ed. A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina. 274–298. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bach, J. 2014. Consuming Communism. Material Cultures of Nostalgia in Former East Germany. In *Anthropology and Nostalgia* edited by Angé, O. and D. Berliner. 123–138. Oxford, New York: Berghahn Books.
- Baiburin, A. K. 2004. Etnograficheskii muzei: semiotika i ideologiiia [The Ethnographic Museum: Semiotics and Ideology]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1: 81–86.
- Bagdasarian, O. Iu. 2019. Pamiat' vtorogo pokoleniia i rabota s proshlym v sovremennoi detskoii literature [Second-generation memory and dealing with the past in contemporary children's literature]. *Politicheskaiia lingvistika*. 6 (78): 132–138.
- Bardina, S. M. 2019. Golosa detei i detskie golosa [Children's voices and voices of children]. *Antropologicheskii forum* 42: 25–27.
- Bonami, Z. A. 2019. Muzei v diskurse affekta [The Museum in the Discourse of Affect]. In *Politika affekta: muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [The politics of affect: the museum as a space for public history] ed. by A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina. 51–78. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dolgov, A. Iu., E. Iu. Meleshkina and O. A. Tolpygina. 2021. Ot nostal'gii k osmysleniiu nastoiashchego SSSR v predstavleniakh raznykh pokolenii [From Nostalgia to Intergenerational Reflection on the Present USSR]. *Political science*. 1: 245–273. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>
- Fokin, A. A. 2016. Relikty i simuliakry sovetskogo v sovremennom rossiiskom mediaprostranstve [Relicts and Simulacra of the Soviet in Contemporary Russian Media Space]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* 1–2: 65–73.
- Forum 2006: Obsuzhdenie stat'i K. Kelli «Shkol'nyi val's» [Discussion of the article «The School Waltz» by K. Kelly]. *Antropologicheskii forum* 4: 6–107.
- Forum 2019: V poiskakh detskoii sub'ektnosti [In search of children's subjectivity]. *Antropologicheskii forum* 42: 9–106.
- Goralik, L. 2007. Rosagroeksporta syrka. Simvolika i simvoly sovetskoi epokhi v segodniashnem rossiiskom brendinge [The Rosagroexport cheese curd. Soviet era symbolics and symbols in today's Russian branding]. *Teoriia mody* 4: 6–21.
- Holak, S. L., A. V. Matveev and W. J. Havlena. 2007. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy. *Journal of Business Research* 60(6): 649–655.

- Kalinin, I. 2011. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as «Historical Horizon». *Slavonica* 17(2): 156–166.
- Kalinin, I. 2008. Dobro pozhalovat' v detstvo, v kotoroe postoronnim vkhod vospreshchen [Welcome to a childhood where no one else is allowed]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2: 35–38.
- Kaspe, I. M. 2008. S'est' proshloe: ideologiya i povsednevnost' gastronomicheskoi nostalgii [Eating the Past: The Ideology and Everyday Life of Gastronomic Nostalgia]. In *Puti Rossii: kul'tura — obshchestvo — chelovek: Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma (25–26 ianv. 2008 g.)* [Russia's Ways: Culture — Society — Man. Materials of the International Symposium (January 25–26, 2008).] / ed. A. M. Nikulin. Moscow: Logos. 205–218.
- Kazalarska, S. 2017. Remembering Childhood in the Museum: Notes on Post-Communist Nostalgia. In *Nostalgia on the Move* edited by Slavkovic, M. and M. Dorgovic. Belgrade: The Museum of Yugoslavia. 75–83.
- Knight, R. 2009. Representations of Soviet childhood in post-Soviet texts by Liudmila Ulitskaia and Gabrielian N. *Modern Language Review*. 104 (3): 790–808.
- Kupriianov, P. S., and M. L. Lur'e. 2022. «Vot etot vot dukh, kogda on est', eto vseгда ochen' zdorovo...»: kak rabotaiut kul'turnye atmosfery i za chto ikh liubiat [«That spirit, when it's there, is always great»: How cultural atmospheres work and why they are loved]. *ShAGI/STEPS* (in print).
- Luehrmann, S. 2005. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El. *Religion, State and Society*. 33(1): 35–56.
- Makhotina, E. 2021. Versprechen der Vergangenheit: Die Zeit der Sowjetunion in der russischen Geschichtspolitik und der kollektiven Erinnerung nach 1991. In *Gute Erinnerungen an schlechte Zeiten?: Wie nach 1945 und nach 1989 rückblickend über glückliche Momente in Diktaturen gesprochen wurde* / ed. Monica Rüthers, 175–198. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. <https://doi.org/10.1515/9783110729429-010>
- Manokhina, A. D. 2018. Kul'tura sovetskoi povsednevnosti v ekspozitsiakh istoricheskikh muzeev Sankt-Peterburga [The Culture of Soviet Everyday Life in the Exhibitions of Historical Museums of St. Petersburg]. *Voprosy muzeologii*, 9 (1): 83–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.108>
- Maslinskaia, S. G. 2021. Magiya pionerskoy simboliki: sovetskoe proshloe v sovremennoi detskoj literature [The Magic of Pioneer Symbolism: The Soviet Past in Contemporary Children's Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6: 165–178.
- Morozov, I. A., and I. S. Sleptsova. 2020. S pristrastiem vgliadyvaia's' v proshloe: 'ad' i 'rai' sovetskoi epokhi v sovremennykh muzeinykh narrativakh [Peering Intently into the Past: Hell and Paradise in Contemporary Museum Narratives]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 23(5): 195–224.
- Nadkarni M., and O. Shevchenko. 2004. The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices. *Ab Imperio* 2: 487–519.
- Rezanova, Z. I. (ed.). 2011. *Nostal'giia po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Sal'nikova, A. A. 2007. *Rossiiskoe detstvo v XX veke: Istoriia, teoriia i praktika issledovaniia* [Russian Childhood in the 20th Century: History, Theory, and Research Practice]. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Ul'ianova-Lenina.
- Sal'nikova, A. A., and I. A. Mal'tseva. 2022. Muzei schastlivogo detstva kak chast' kazanskogo memorativnogo landshafta [The Museum of Happy Childhood as part of the Kazan memorial landscape]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi: sbornik nauchnykh trudov* [Memorial Landscapes of Small Towns in Russia and Poland: A Collection of Scientific Works] / ed. L. N. Mazur and D. Mager. 143–151. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Sekushina, Iu. A. 2021. Voobrazhaia proshloe, preobrazhaia nastoiashchee: kul'turnyi resaikling sovetskogo proshlogo v diskurse osoznannogo potrebleniia [Imagining the Past, Transforming

- the Present: Cultural Recycling of the Soviet Past in the Discourse of Conscious Consumption]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 160–182.
- Smolina, N. V. 2014. ‘Sovetskoe’ v postsovetskom prostranstve: analiz nostal’gicheskikh soobshchestv [The Soviet in the Post-Soviet Space: An Analysis of the Nostalgic Communities]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 17 (346): 133–136.
- Timofeev, M. Iu. 2014a. Muzeifikatsiia SSSR [The museumification of USSR]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy* 5: 25–33.
- Timofeev, M. Iu. 2014b. Muzeifikatsiia sovetskogo perioda (sluchay muzeia sotsialisticheskogo byta v Kazani) [Museumification of the Soviet Period: The Case of the Museum of Socialist Life in Kazan]. *Burylinskiy al’manakh*. 1: 48–52.